

А. ВАЛЛОН

ИСТОКИ ХАРАКТЕРА У ДЕТЕЙ

(ЧАСТЬ III. САМОСОЗНАНИЕ)

Вопросы психологии, № 5, 1990. — С.129-140

Данной работой журнал открывает серию публикаций из классических, но, к сожалению, малоизвестных широкому читателю работ по психологии развития. На русском языке эта работа публикуется впервые по изданию: Wallon A. Les origines du caractere chez l'enfant. Paris, 1949. Актуальность подобных публикаций несомненна, если иметь в виду своеобразие сегодняшней ситуации в отечественной возрастной и педагогической психологии. В условиях перестройки при направленном проектировании систем развивающего образования вопрос о формах организации и способах включения психологического знания в педагогическую практику становится ключевым.

Знакомство с материалами исследований А. Валлона ценно для нас по крайней мере в двух аспектах: во-первых, они являются блестящим образцом полноты описания определенного фрагмента онтогенеза ребенка и, во-вторых, в них выражена принципиальная центрированность внимания на самом ребенке, на описании его поведения в параметрах социальных условий, биологического созревания и его собственной деятельности. Спонтанность развития и самобытность детской жизни — основной пафос данной работы. В этом отношении она во многом противоположна исследованиям советских психологов, выражающим идеологию целенаправленного формирования психики ребенка, понимаемого как усвоение содержания взрослой жизни.

Однако при многочисленных успехах двух альтернативных движений психологической мысли (спонтанность развития и целенаправленное формирование, самооценность детской и образцовость взрослой жизни и др.) сама эта альтернатива все более обнаруживает свою ложность. Индивидуализация и универсализация развития не определяются ни индивидуальной траекторией действия ребенка, ни культурно-заданным педагогическим действием взрослого, ни суммой их отдельных действий; реальные истоки (а значит, и истоки наших представлений о развитии) коренятся в живой межчеловеческой со-бытийности, в детско-взрослых общностях, в полноте встреч различных поколений.

ГЛАВА 1. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ В ВОЗРАСТЕ ДО 6 МЕСЯЦЕВ

Самосознание не является исходным и простым, оно представляет собой очень сложный результат психической активности. Лишь с трех лет ребенок начинает вести и познавать себя в качестве субъекта, отличного от других.

До трех лет развитие сознания характеризуется большим постоянством потому, что оно осуществляется почти исключительно под влиянием присущих детству биологических условий и изменений. Самые разные авторы сходятся

в том, что они связывают между собой способы реагирования и возраст. Но недостаточно зафиксировать последовательность этапов. Они зависят от психических механизмов, соответствующих актуальным возможностям субъекта и выявляющих частные различия и противопоставления, на которых основывается противопоставление Я тому, что им не является. Для самого развития мысли необходима длительная и сложная последовательность.

Исследуя способ, которым ребенок формирует представление о своем теле, я отмечал ранее, как проявляется его способность выделять различные аспекты этого представления и интерпретировать их в единстве своей индивидуальности (personne). Он начинает с их взаимного наложения, вместо того чтобы осуществлять взаимную символизацию. До того как он обучается их накладывать, он должен научиться выделять их в нерасчлененной массе впечатлений, которые в каждый момент являются частью его конкретной и общей чувствительности. То же относится и к его психической индивидуальности. Она вначале как бы растворена в последствиях ситуаций, над которыми властвуют исключительно его органические потребности, поскольку он может реагировать на обстоятельства лишь в связи с ними. Затем он становится просто партнером по отношению к своему окружению. Понемногу, в результате идентификации и ассимиляции, ребенок научается одновременно расшифровывать в своих впечатлениях противостоящий ему мир и присваивать его как свой, вследствие чего он становится способным противопоставлять другому свои требования.

До трех месяцев экстероцептивная активность ребенка, т. е. такая, которая регулируется восприятием внешнего мира, остается по меньшей мере на втором плане. Значительно больше он реагирует на ощущения недостаточности, возникающие в те моменты, когда начинает не хватать чего-то, что составляло часть его благополучного самочувствия или его существа. Было бы преждевременным приписывать ему, по крайней мере в первые дни, даже простое чувство присутствия. Он полностью захвачен своей интероцептивной чувствительностью и в меньшей степени — своей проприоцептивной чувствительностью, т. е. своими пищевыми функциями и более или менее удобными положениями частей своего тела. Это единственные центры, вокруг которых могут группироваться его самые различные впечатления. А из этих впечатлений лишь те способны вызвать его реакции, которые становятся значимыми для его пищеварительного или постурального благополучия.

В соответствии с сенсуалистской точкой зрения, для которой исходной и основной функцией психики является объективное восприятие и познание, обсуждалась первичность зрительных или слуховых впечатлений у новорожденного. Так, в пользу первичности зрительных впечатлений выдвигался тот факт, что из всех сенсорных волокон позже всего заканчивается миелинизация акустических волокон. На самом же деле совершенно неважно, означает или не означает эта поздняя миелинизация более позднее использование дифференцированного слуха. Необходимо непосредственно интерпретировать поведение ребенка.

Гийом в своих наблюдениях отметил у ребенка на третий день удивленное и внимательное выражение при виде людей; между девятым и одиннадцатым днем — серьезное выражение, беглую улыбку, возбужденное стремление наклониться к людям, в шестнадцать дней — различие в позах на руках у матери, у отца и у

няни; однако из этих наблюдений вовсе не следует, что зрительное восприятие уже есть, поскольку еще в течение многих недель можно продемонстрировать, что ребенок не может обнаружить ничего другого, кроме простых рефлексов, связанных с изменениями освещенности, с движениями и передвижениями предметов. Еще в течение многих недель у него отсутствует координация между движениями глазных яблок и движениями век, что чрезвычайно затрудняет аккомодацию взгляда. И лишь в три месяца появляется координация движений головы и глаз, необходимая для фиксации и ос-

матривания. Но вне всякого сомнения, самочувствие младенца может быть различным на руках у отца и на руках у матери. Различные проявления спокойствия или возбуждения могут быть связаны с близостью материнской груди, ее теплотой или ее запахом, а также и с другими, ускользающими от нас компонентами чувствительности атмосферы.

В действительности же первые экстероцептивные раздражения, способные вызвать у ребенка значимые реакции,— это слуховые раздражения. Ш. Бюлер констатирует, что в возрасте трех недель человеческий голос связан с желанием сосать и вызывает соответствующие проявления. Если голос перестает звучать, младенец кричит, как бы будучи разочарованным в своем ожидании пищевого благополучия. Такая же связь, но менее сильная, без сомнения — в силу менее частой сочетаемости, существует между желанием сосать и звуком шагов или звуком открывающейся и закрывающейся двери. Таким образом, еще нет различия между звуками человеческого голоса и звуками, производимыми предметами. Есть простая группировка условных рефлексов вокруг интероцептивных потребностей. Слуховые впечатления больше всего соответствуют пассивности младенца. Зрение же, напротив, представляет собой активный, исследовательский акт. Без сомнения, начало его эффективного функционирования в более позднем возрасте связано именно с его ролью дифференцированного исследования, требующей большой сложности его механизмов.

Лишенный инициативы, ограниченный своими интеро- и проприоцептивными функциями, младенец реагирует лишь на те раздражения, которые сигнализируют что-то, способное повлиять на них. Поэтому вначале он не реагирует на предметы и даже на других детей. Он реагирует лишь на присутствие взрослых. По видимости — различение, а на деле — лишь ограничение. Только те раздражения пробуждают его сенсо-моторный аппарат, которые обычно предшествуют удовлетворению его потребностей. Ко всему остальному он остается безучастным. Отношения его психической жизни с экзогенной стимуляцией сводятся к игре условных рефлексов или к закону повторения, т. е. способности некоторых обстоятельств вызывать действия лишь в силу того, что они им часто предшествовали в прошлом.

В течение второго месяца жизни ребенок чувствителен к присутствию людей лишь в той мере, в какой он непосредственно ощущает какой-либо эффект этого присутствия. Он плачет только при уходе тех, кто им занимается. Их возвращение его успокаивает. Он игнорирует присутствие других детей и как бы остается

глухим к их самым пронзительным крикам,— без сомнения, потому, что они никогда не вызывали изменений в его собственной ситуации. Между тем человеческий голос, который до этого вызывал лишь пищевые рефлексy, начинает вызывать также улыбку, т. е. чисто мимическую реакцию. Так появляется эта мимическая функция, которая будет играть важнейшую роль в реакции ребенка по отношению к его окружению и в тех ощущениях относительно его собственной индивидуальности, которые они у него вызовут.

В возрасте от двух до трех месяцев улыбку ребенка может вызвать направленный на него взгляд. В то же время он начинает отзываться криками на крики своего соседа — но только более старшего соседа (Ш. Бюлер). Также и здесь, в области мимических реакций, его «проницаемость» вначале очень избирательна. Через порог проходят если и не самые сильные раздражения, то те из них, которые связаны с наиболее организованными или наиболее настоящими аффективными состояниями. Чувствительность ребенка по отношению к взрослым делает шаг вперед. Исходящие от них возбуждения больше не должны быть непосредственно связаны с благополучием ребенка или с его аппетитом для того, чтобы вызвать его реакцию. Реакции ребенка приобретают в некотором роде значимую автономию. Он плачет, когда кто-то выходит из комнаты или отдалается, не уделив ему внимания, как если бы он мог в своем предвидении связать присутствие дру-

---

гого человека с изменениями в своем собственном состоянии. Таким образом, он может чувствовать недостаточность не только в том, что он испытывал, но также и в том, что он только готов был испытать. Он прислушивается, если слышит речь, и поворачивается к говорящему. Вследствие этого он становится способным выделять в сензитивных комплексах слуховые восприятия, ориентироваться на них, искать их и изолировать. Появляются предвосхищение и ориентировка, которые показывают, что ребенок уже готов идентифицировать определенные категории возбуждений как таковые.

Этот прогресс сопровождается параллельным развитием зрительной активности — чувства, которое затем станет инструментом наиболее точного объективного различения. В два месяца и пять дней. 0; 2 (5)¹, ребенок узнает своего отца на расстоянии 2 метров, если видит его на привычном месте, но не узнает, если встречает его в парке (Гийом). Он еще не полностью выделяет его из ситуаций или совокупностей, в которых воспринимает. В 0; 2 (22) ребенок протягивает руки только к отцу, матери и няне. В 0; 2 (17) он начинает делать сосательные движения, как только он оказывается на коленях у матери в соответствующем положении, но пытается взять грудь лишь тогда, когда замечает, т. е. действие завершается лишь в том случае, когда зрительное ощущение дополняет ситуацию. Реакция перестает быть чисто глобальной; она остается частично задержанной настолько, насколько недостает перцептивной детали, позволяющей избежать ошибок. Таким образом, зрение входит в активные комплексы ребенка, а впоследствии и в его дискриминативное восприятие как гарантия от ошибки.

В три месяца начинается новая фаза, которая уже проявлялась в предшествующий месяц. Отношения ребенка с его окружением принимают

гораздо более объективный характер. Они зависят от развития моторной активности и осуществляются в два этапа. На первом этапе их условием является лучшее равновесие и появление синергий, которые позволяют стабилизировать голову и взгляд или комбинировать их перемещения таким образом, чтобы удерживать объект в зрительном поле, независимо от того, остаются ли объект и субъект неподвижными, либо один из них или даже оба перемещаются. Затем, к концу второго полугодия, начинает появляться активность схватывания, которая разнообразит отношения ребенка со средой как по форме, так и по их объекту. Но наиболее существенным начиная с шестого месяца является развитие гораздо более активной и протяженной социальности, хотя и ограниченной по-прежнему взаимным положением партнеров.

Возрастающее значение зрения в поведении ребенка вначале может измеряться частотой, с которой ребенок останавливается для фиксации того, что произвольно встречает его взгляд. Это обычно наиболее подвижные, периферические части тела людей, которые его окружают: руки, ноги или рот, но еще не человек в целом, поскольку ребенок может фиксировать лишь то, что попадает в его зрительное поле, не будучи в состоянии ни связать фрагменты между собой, ни интегрировать их в единое поле. Зрение становится также способным вызывать интероцептивные реакции. В 0; 3 (24), видя постороннюю женщину, дающую грудь своему младенцу, ребенок требует грудь своей матери (Гийом). Вызванное действие реализуется в своей примитивной форме, оно лишь подчиняется новому раздражителю, но еще не модифицировано им, как это будет чуть позднее. Между тем тот факт, что зрение становится источником реакций, придает самим реакциям большую поливалентность. Теперь ребенок встречает криками любого человека, входящего в комнату, а не только тех, с кем он связан своей интеро- и проприочувствительностью. При этом он еще остается индифферентным к присутствию другого ребенка; но если его приблизить к нему и если их взгляды встретятся, он его дружелюбно фик-

---

¹ Мы используем метод записи возраста, предложенный Штерном: количество лет, после точки с запятой — количество месяцев, в скобках — количество дней.

сирует (Ш. Бюлер). Уже на расстоянии 16 метров он может узнать, что среди предметов имеются люди, но еще не может различить их между собой (Гийом). Дифференцированные реакции на мать отмечаются лишь в том случае, когда она предстает в своем обычном виде. Таким образом, ставшее более независимым, его зрительное восприятие тем не менее остается глобальным. То же относится и к слуху. Любые голосовые проявления — песня, ворчание и т. д. — заставляют его смеяться.

Между четырьмя и пятью месяцами появляются первые жесты схватывания. Ребенок начинает тянуть руку к бороде (0; 4 (8)) и к одежде (0; 4 (19—21)) окружающих его людей. Но гораздо чаще он не пытается схватить, а остается просто внимательным; так, например, он может быть поглощен разглядыванием жестов марионеток, которыми манипулируют перед ним. Если ему предъявляется

предмет, он чаще всего ограничивается тем, что фиксирует его или совершает жесты, направленные к самому себе, такие, как сосание пальца или хватание своих собственных пальцев. Лишь в 10 % случаев он совершает движение, направленное на схватывание предмета, и лишь в 0,08 % случаев манипулирует им и тянет ко рту. Он чаще тянет свою руку к другому ребенку, чем к предмету. Тем не менее дети этого возраста, собранные вместе, обычно остаются безучастными друг к другу. Как максимум они встречаются взглядами и улыбаются.

Но вскоре возрастает автономия и дифференцированность сенсорной активности. Когда ребенок видит, как другой ребенок сосет грудь, он уже не поворачивается к своей собственной матери; он хочет, чтобы его поднесли к посторонней кормилице, и хватает ее грудь обеими руками (Гийом). Зрение уже не просто вызывает реакцию, но предоставляет действию его цель. Оно уже не ограничивается тем, что вызывает пищевую реакцию в примитивной форме. Оно увлекает активность ребенка во внешний мир, к внешним целям, к новым адаптациям. Оно противопоставляет простому пробуждению органической чувствительности и автоматизмам ребенка реальность, находящуюся вне него. В то же время слуховые впечатления также отделяются от комплексов, с которыми они были объединены. Их влияние становится менее абсолютизированным и недифференцированным, они в большей мере становятся связанными с обстоятельствами. Умолкающий голос уже не обязательно заставляет ребенка кричать. «Раздраженные» слова заставляют его плакать. Возбуждение, возникающее при звуках голоса, спадает при виде человека, т. е. нетерпеливое ожидание присутствия, пробужденное голосом, успокаивается констатацией присутствия. Таким образом, из всех органов чувств зрение становится наиболее надежной гарантией присутствия, решающим знаком внешней реальности.

Вплоть до шести месяцев развитие не изменяется по своей природе. Реакция ребенка на предъявление предмета в 50 % случаев остается простой фиксацией без жестов. Ребенок безразличен к присутствию других детей. Ребенок в возрасте 0; 5 (9), помещенный рядом с ребенком в возрасте 0; 5 (19), не обращает на него никакого внимания, даже касаясь его рукой. Другой ребенок в возрасте 0; 5 (17) смотрит на плачущего ребенка того же возраста, не плача сам, с той же невозмутимостью, как если бы он смотрел на звенящий звонок. Но хотя зрение и подавило заражение криками, оно еще не вызывает никакой попытки к сближению. Между тем маленькая девочка в возрасте 0; 5 (8), ни разу не взглянув на кричащего мальчика в возрасте 0; 5 (9), провожает его взглядом, когда его уносят, и в свою очередь начинает кричать. Ш. Бюлер, которой принадлежат эти наблюдения, задается вопросом: может быть, девочка увидела своего соседа лишь в тот момент, когда его уносили? — и предполагает, что до того он мог занимать лишь периферию ее зрительного поля. Более правдоподобно то, что в начале экстроцептивного восприятия, как в начале интероцептивного, первыми преодолевают порог чувствительности и вызывают эффективные или моторные реакции ощущения нехватки (неполноты).

Тем не менее следует констатировать определенное развитие, происшедшее в течение предшествующего месяца. Когда ребенку случается посмотреть на

другого ребенка, он смотрит уже не на его движущиеся руки и ноги, а на лицо или на него в целом. Встречаясь с ним взглядом, он проявляет выраженное удовлетворение.

ГЛАВА II. СИНКРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ

Во втором полугодии наступает тот период, в котором реакции по отношению к другому достигают максимума своей частоты. От 50% на шестом месяце простая фиксация человека без жестов снижается до 25% на седьмом, в то время как жесты по отношению к партнеру повышаются до 41%, а жесты по отношению к самому себе — до 28%. Между седьмым и двенадцатым месяцем движения, направленные на другого, осуществляются в четыре раза чаще, чем в первом полугодии, и на треть превосходят ту частоту, которую они будут иметь на втором году. Это период поистине несдержанной социальности; страх по отношению к посторонним, бывший привычным в шесть месяцев, исчезает, и ребенок вступает в контакт с первым встречным. По отношению к предметам, напротив, если только они прямо не предлагаются ребенку, вплоть до двенадцати месяцев сохраняется созерцательная установка (Ш. Бюлер).

Умножающиеся жесты схватывания вносят свой вклад в этот непрерывный «разлив» ребенка по отношению к другому. Но они уже дифференцируются на жесты приветливости и жесты соперничества под воздействием психических влияний, выражающих уже межличностные отношения защиты или соперничества. Точно так же и вокализации, резко возрастающие начиная с восьмого месяца, без сомнения, являются проявлением новой функции, которая, реализуясь, обнаруживает себя. В то же время они приобретают различные нюансы в зависимости от психологической ситуации и, по-видимому, стремятся ее обозначить. Мимика становится экспрессивной. Глаза ищут глаза, взгляды, которыми обменивается ребенок, разумны. Наконец, улыбка, которая вначале вызывалась человеческим голосом, утверждается исключительно как рефлекс социальности. Она вызывается уже не только голосом, но и встречей взгляда со взглядом взрослого или другого ребенка. И никогда не появляется в отсутствие человеческого контакта, даже если у ребенка перед глазами находится такое развлекающее зрелище, как котенок (Ш. Бюлер).

Таким образом, основной факт в этом возрасте — это социальная сензитивность ребенка. В первые месяцы она могла казаться включенной в его органические потребности. Во втором полугодии она отделяется от них как нечто специфичное. Уже обладающая различными способами выражения, она опережает сенсомоторные отношения ребенка с объектами физического мира. Прослеживанию развития этого фактора следует уделить значительное внимание. Сначала его проявления, как и при начале интеро-проприоцептивного поведения, исключительны и жестко определены ситуацией. Рассмотрение различных аспектов поможет лучше понять его природу.

Взаимоотношения детей изучались в очень интересном исследовании Ш. Бюлер. В консультации для младенцев, пока матери ждали своей очереди, она брала детей и помещала их лицом друг к другу, фиксируя каждый жест. Она констатировала, что реакции каждого ребенка не зависят исключительно от его возраста, но определяются также и реакциями партнера, т. е. являются результатом отношения, в котором каждый как бы утрачивает свою

самостоятельность и становится частью структуры или ситуации, в которой он участвует.

Между двумя детьми, помещенными рядом друг с другом, может не возникнуть никаких отношений, особенно при значительной разнице в возрасте. Старший уже не интересуется младшим, даже для того, чтобы реализовать на нем свой деспотизм. А младший не может восхищаться старшим. Обе активности остаются без взаимного резонанса. Необходимым условием установления вза-

134

имоотношений между двумя маленькими детьми является минимальная согласованность между их способами реагирования. Согласованность, компоненты которой трудно определить. Но можно представить себе, что в том возрасте, когда две активности лишь дополнительные, они не могут реализовать психодинамическую целостность, если они слишком гетерогенны, т. е. не могут быть связанными друг с другом посредством взаимной стимуляции, по меньшей мере — на основе согласованности интересов, выражения, ритмов и жестов.

Возрастной разрыв может быть компенсирован лишь начиная с того момента, когда ребенок становится способным овладеть своим окружением и ситуациями, в которых он участвует, т. е. примерно с трех лет. В этом возрасте ребенок способен интересоваться детьми намного младше себя. Удивленный этой новизной, он часто в трепете или в экстазе застывает перед младенцем. Его очаровывает противопоставление существования младенца своему собственному, его неловкости — своим силам, которыми он располагает и может пользоваться по собственному усмотрению. До тех лет отношения между детьми с большой разницей в возрасте могут устанавливаться лишь при посредстве взрослых или более старших детей.

В тех возрастных границах, в которых могут появляться реципрокные реакции, они подчиняются вполне определенным условиям. До шести месяцев, пока период сенсорной аккомодации еще не сменился периодом схватывания, ребенок почти исключительно играет роль зрителя. Если ему случается дотронуться до своего соседа, он обычно не отдает себе в этом отчета; но реципрокный жест соседа может помочь ему осознать его: 0; 5 (1) притрагивается к ноге 0; 7 (5), который отвечает, ударяя ногу 0;5(1) своей погремушкой. Начиная с этого возраста могут возникать жесты приближения и обмена: 0; 5 (17) берет игрушку и протягивает ее 0; 6 (28), потом берет ее обратно. Таким образом, содержание должно лишь экстерииоризироваться. Оно все пронизано чувством присутствия. Оно является больше общением или участием, чем простым созерцанием.

Противоположная и дополнительная установка заключается в том, чтобы давать созерцать себя. Она появляется в более старшем возрасте: 0; 7 (17), на которого смотрит 0; 5 (28). трясет свой звончок, счастливый производимым эффектом. 0; 8 (10), отобрав погремушку у 0; 7 (10), радостно трясет ею перед ним. Чувство присутствия является побуждающим для того, кому возраст обеспечивает инициативу. Но действие не разделено между зрителем и исполнителем; 0; 6 (26), который не в состоянии овладеть погремушкой, внимательно следит, как ею играет 0; 7 (2). Роли распределяются по закону возраста, но оба партнера в

равной мере захвачены ситуацией, возникшей в результате их близости. Они неразрывно связаны ею: тот, который действует, как бы возбуждается ожиданием другого, не сводящего с него глаз.

В более старшем возрасте ситуация, оставаясь неделимой, вызывает жесты у обоих партнеров: 0; 10 (26), после многих безуспешных попыток отобрать погремушку у 1; 1 (3), трясет свою лошадку, как погремушку, и очень удивляется, что она не звучит. 0; 8 (7), не сумев вырвать погремушку у 0; 6, в конце концов подносит свои пальцы ко рту, как бы показывая ему, что он должен делать. Действие, связанное с ситуацией, возникшей в результате контакта между обоими детьми и игрушкой, приобретает здесь своеобразную автономию и может обойтись либо заменителем необходимого предмета, либо вовсе без предмета, являясь лишь имитацией. Действие остается как бы плавающим между тем, кто может, и тем, кто не может его осуществить. Индивидуализация жеста, вызванного ситуацией, предшествует индивидуализации жестов партнеров.

Несколько позже индивидуализируются партнеры,— точнее, их взаимные позиции. В целом они могут находиться либо в согласии, либо в конфликте. Но эти две противоположные ситуации содержат в себе некоторые нюансы. Согласие может проявляться в уступке, сочувствии, незаинтересованности.

Обладатель игрушки может отказаться от нее в пользу своего партнера; он может быть как бы охвачен тем желанием, проявления которого он видит: 1; 2 (29) играет машинкой в присутствии 1; 2 (9), который изнывает от желания получить ее; 1; 2 (29) протягивает ему машинку, а затем поочередно все игрушки, до которых может дотянуться, предварительно показывая их присутствующему взрослому. Таким образом, захваченный эффективной ситуацией, объединяющей его с партнером, он постепенно вовлекает в нее все, что его окружает,— и людей и предметы. Отношение, возникшее в результате контакта двух детей, безраздельно царствует над их конкретными отношениями и, распространяясь, поглощает собой исходную причину. Наконец, игрушка может быть предложена и даже навязана партнеру ребенком, который больше не хочет ею играть. Итак, участие может постепенно поменять знак, из пассивного стать активным, даже обязывающим.

Противопоставление может выражаться в деспотизме или в соперничестве. Согласно Ш. Бюлер, соперничество никогда не появляется между детьми, у которых разница в возрасте превышает два с половиной месяца. Для деспотизма, напротив, более чем в половине случаев разрыв превышал три месяца. Деспотизм обычно проявлял более старший, за исключением 3 случаев из 24 наблюдений. В двух случаях маленькие девочки доминировали над своими более старшими партнерами, а в третьем случае в силу обстоятельств преимущество получил ребенок, бывший на шесть месяцев младше своего партнера. Таким образом, возрастные различия почти полностью преобладают над индивидуальными.

Соперничество может возникнуть из-за игрушки. Но иногда оно действительно связано с предметом, а иногда предмет является лишь предлогом. Между двумя крайними случаями — два ребенка, ссорящиеся из-за конкретной игрушки, и два

ребенка, ссорящиеся из-за всего, что оказывается в руках у одного из них,— наблюдаются все возможные варианты. Они могут очень быстро сменяться в одной и той же паре. Соперничество часто возникает сразу же. Два ребенка стремятся доминировать друг над другом — или в шутку, или из враждебности. Победа над противником может сопровождаться удовлетворенной улыбкой, — но не раньше, чем с восьми месяцев.

Деспотизм — это чувство превосходства, которое стремится выразиться в своей чистой форме. Он основан не собственно на поражении противника, а на том чувстве, которое противник испытывает от своего поражения. Эта потребность в доминировании очень примитивна. Она основывается на недостатке автономии по отношению к другому, на исходной нерасчлененности себя и другого в аффективной ситуации. Эта аффективная ассимиляция может быть согласием либо конфликтом, но ситуация от этого не становится существенно сложнее. Кроме того, деспотизм не подразумевает с необходимостью плохое обращение или враждебность. Просто, играя или дразня, ребенок отбирает, возвращает и вновь отбирает игрушку у того, кто подчиняется его доминированию. Часто деспотизм является более снисходительным. Он требует лишь знаков признания или восхищения. Действующий ребенок больше не удовлетворяется тем, что на него просто смотрят, ему нужно, чтобы его активность сопровождалась активностью, которая повторяет ее или подчиняется ей. Деспот не мог бы быть деспотом без покорности другого. Ему необходима эта покорность, он от нее зависит.

У деспотизма есть своя противоположность. Покорность, которая предполагается, может быть просто глупостью, партнер переносит все, он без возражений дает отбирать у себя игрушки и бить себя. Результатом деспотизма может быть тревога: плач и спазмы; деспотизм здесь утрачивает свои права. Тревога может быть и предвосхищающей, например у детей, боящихся разлуки с матерью или напуганных новизной обстановки. Напряженные и орущие, они остаются вне всякого участия, вне всякой психологической ситуации. Другие дети демонстрируют установку защиты, избегания, они не дают захватить себя ни предметом, ни партнером,

---

упорно отворачиваясь от того, что их не интересует.

Может случиться так, что отношения обернутся в пользу более младшего ребенка вследствие его моторной активности и непрерывной жестикуляции. Это может произойти также и по причине чрезмерной социальности у старшего, который ведет себя по отношению к младшему так же, как к взрослому, ожидая его одобрения, улыбаясь и демонстрируя жесты примирения и подчинения. Тем самым он вызывает у своего партнера противоположную и дополнительную установку требовательного или снисходительного превосходства. Это своего рода автоматическая логика эффективных ситуаций. Согласованность или реципрокность эффективных установок, у которых нет другого основания для существования, помимо этой согласованности или реципрокности.

1. Ревность

В состоянии слияния с другим, характерном для аффективной ситуации, обнаруживаются внешне сложные, но вместе с тем рано появляющиеся проявления, такие, как ревность и симпатия. Они не предполагают, как это обычно считается, наличия у того, кто их обнаруживает, представления о личностях, четко отличающихся от его собственной. Напротив, когда они проявляются, происходит регрессия к стадии относительной недифференцированности. Они объясняют исходя из пары «созерцание — демонстрация». Два полюса ситуации уже не являются просто дополнительными и распределенными на двух разных индивидов — они интегрированы в одном индивиде. К созерцанию добавляются чувство или потребность быть тем, кто действует или демонстрирует. Это все еще участие, но участие контрастирующее. в котором появляется момент индивидуализации. Распятый между двумя полюсами, сближение которых в его собственной чувствительности обнаруживает их противоположность, субъект уже близок к переживанию необходимости сконцентрироваться на одном из них и кристаллизовать вокруг другого персонаж, отличный от него самого.

У ребенка первые реакции ревности наблюдаются обычно в девять месяцев. Гийом отметил их даже в 0; 7 (19). Они примитивны и стереотипны. Ребенок кричит, плачет, дрыгается, тянет себя за ухо, когда он видит, как мать подходит к другому ребенку, берет его на руки, дает ему грудь (Ш. Бюлер). Реже он ревнует взрослого: например, 0; 9 (28), когда его мать делает вид, что обнимает его отца; он же в 0; 10 (13), видя, как мать кладет голову отцу на плечо, старается всунуться между ними. Ребенок может ревновать и к предмету: так, в 0; 9 (21) он берет и бросает куклу, которую гладили его родители. В этих трех случаях, приведенных Гийомом, возможно, что разыгранная перед ребенком сцена сенсibilизировала его, поскольку раньше всего и наиболее спонтанно он стремится оказаться на месте того, кто больше всего похож на него, т. е. другого ребенка, близкого к нему по возрасту или по положению.

Затем ревность приобретает формы и мотивы, соответствующие возрастному развитию. В возрасте 1; 9 девочка не хочет, чтобы шили платье ее кукле; реакция уже менее непосредственная и более сложная. В 2; 1 она уже часто, вместо того чтобы стремиться к замещению, надувается и обижается: новый факт огромной важности. В конфликте между созерцанием и стремлением к действию действие тормозится, отбрасывается, уступая место тревоге. В борьбе между активной враждебностью и болезненным переживанием побеждает переживание. Замыкаясь в своей установке созерцателя, истинный ревнивец с беспощадной живостью вызывает у себя обидные образы. Его собственное существование опустошено, разрушено успехами другого; он не может отделиться от его образа; он смешивает его со своей собственной сущностью; он чувствует себя как бы лишенным важной части себя самого. Это упорное смешение себя и другого, которое не уничтожается и не замещается враждебностью.

В своих различных вариантах рев-

ность представляет собой главным образом возврат к стадии, на которой тот, кто вовлечен в аффективную ситуацию, чувствует на себе ее дополнительные установки. Не умея еще в достаточной мере изолировать ту, которая ему присуща, он внутренне дает увлечь себя той, которая обирает его (лишает чего-либо. — М.Г.), и испытывает от этого тревогу, соучастником которой он в большей или меньшей степени себя делает. Это чувство враждебности у того, кто не может реагировать иначе, как зритель, захваченный действием соперника. Это страдающая и пассивная симпатия.

ГЛАВА IV. ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ СИНКРЕТИЗМ

2. Симпатия

Поле проявления симпатии достаточно широко, но ее следует отличать как от аффективного миметизма, от которого она происходит, так и, как показал В. Штерн, от альтруизма, который частично происходит от нее. Субъект уже более не испытывает простого заражения эмоциями, существующими в его окружении. Если же он его и испытывает, то при известном снижении их влияния, которое оказывается как бы разделенным между эмоцией и его собственной ситуацией, в которой ничто эту эмоцию не оправдывает. Он неспособен ни противопоставить ее себе как чуждую, ни полностью реализовать ее; реагирует на нее всегда одинаково, а иногда и дополнительным образом. Он одновременно участвует в двух ситуациях. еще не будучи в состоянии разделить две позиции. Этим симпатия отличается от альтруизма. В альтруизме существование или личность другого становится причиной действия, а иногда и самопожертвования при полном осознании жертвы. Альтруизм подразумевает индивидуализацию себя и другого, что позволяет различать, сопоставлять, комбинировать соответствующие интересы.

Установить появление симпатии у ребенка — это значит проконтролировать, из каких источников она возникает. Частая ошибка заключается в том, что принципы ее существования ищут, анализируя наиболее развитые и наиболее недавние проявления психической жизни ребенка. При таком подходе проблема ставится с ног на голову и симпатию хотят сконструировать из материалов, которые на самом деле являются ее производными, которые у ее истоков еще не были дифференцированы. Это то же самое, как если пытаться восстановить зародыш из тканей взрослого человека. Так, например, обычно считают, что для того, чтобы симпатизировать, нужно накопить субъективный опыт, опознать его проявления у другого и настроиться им в унисон, оживляя свои собственные впечатления. Но если бы внутренний опыт был исходным событием, если бы перенос себя в другого был относительно него вторичным и если бы в качестве опосредующего звена была необходима предварительная констатация признаков, свидетельствующих о психических состояниях, то было бы совершенно невозможно объяснить быстрое и широкое распространение симпатии в возрасте между одним и двумя годами.

А. Аффективный миметизм и социальность

Стараясь не апеллировать в психологическом объяснении к таким первичным причинам, как сознание, некоторые авторы допускают ошибку, полагая в основании симпатии те виды активности, которые на самом деле вторичны. Например, Гийом, изучая подражание, выдвигает положение о том, что симпатия.

которая не может вызвать подражания, сама по себе есть не что иное, как простой след прошлых действий, полная актуализация которых тормозится. Похоже, что он при этом опирался на положение Дарвина о том, что эмоции представляют собой след некогда полезных движений, ставших в актуальных условиях излишними. Но нужно еще доказать предшествующее существование этих движений или действий. А мы увидим, что их существование нереально у ребенка в том возрасте, когда появляются первые проявления симпатии.

Напротив, Ш. Бюлер относит симпатию к очень ранним механизмам, соответствующим самым первым ее проявлениям. Констатируя, что с двух месяцев младенец начинает отвечать криками на крики другого младенца, улыбкой на улыбку матери, она вспоминает условные ассоциации, возникающие под влиянием проприо- или интероцептивных потребностей, например ассоциацию между актом сосания и звуками человеческого голоса. В обоих случаях речь идет об условных рефлексах. Единственное различие заключается в том, что в случае мимического согласования ассоциации адекватны, а в случае реакций на интеро- или проприоцептивной основе они неадекватны. Но если различен результат, то не потому ли, что различны основания? Как объяснить на основе условных рефлексов крики, вызываемые у младенца криками другого младенца, тогда как ни один из них абсолютно не в состоянии изменить их ситуацию? В действительности так называемые неадекватные ассоциации полностью адекватны привычным для ребенка ситуациям. А адекватные реакции более созвучны, чем неадекватны. Они не были связаны друг с другом потому, что определенные условия совпали с удовлетворением потребности. Они вызывают одна другую потому, что они находятся в своего рода динамической согласованности. Это кажется правдоподобным, поскольку, для того чтобы этот эффект произошел, между детьми должна быть определенная возрастная близость.

Как бы ни было сильно искушение свести объяснение к минимально возможному количеству элементарных явлений, к ним неизбежно придется причислить заразительность аффективных проявлений. Она наблюдается у ребенка очень рано, и невозможно обнаружить какой-нибудь внешний или случайный вызывающий ее механизм. Она часто наблюдается у животных. Келер отмечал, что радостное возбуждение шимпанзе вызывает идентичные жесты у всех присутствующих шимпанзе. Испуг одной овцы становится причиной паники всего стада. Крик одной птицы вызывает нарастающий крик во всем вольере.

Все эти проявления не являются простыми разрядами. Они организованы. Они имеют специализированные центры в нервной системе. Таким образом, они соответствуют какой-то функции, которая не имеет никакого отношения к взаимодействиям индивида с физическим миром; напротив, она очень часто их нарушает. Расположенная между двумя, она предназначена вызывать реакции другого. Принадлежа еще способу существования, хабитусу индивида, как сексуальные признаки, но уже не к постоянным способам существования, а к таким, которые варьируют в зависимости от условий и интимных предрасположений, она остается все же слишком тесно связанной с этими предрасположениями и их условиями для того, чтобы использоваться независимо

и объективно, наподобие речи. Неспособная измениться без изменения всего поведения субъекта в целом, неспособная выразить внешние реалии, еще целостная и нерасчлененная во всех своих проявлениях, какое иное назначение может она иметь, кроме как вызывать аналогичные проявления у другого? Неспособная предоставить активности другого разнообразные объекты, как это делает слово, она ограничивается тем, что обеспечивает единство реакций и импульсов между членами группы. Именно эта элементарная, но фундаментальная необходимость заставляет ее развиваться и развивать свои способы выражения.

Б. Постуральная пластичность и мысленное формулирование

Мимика и ее проявления, без сомнения, могут заимствовать аксессуары из внешнего мира; они могут даже разыгрывать в нем драматические действия и выразительные сцены; но их цель и их предмет не принадлежат внешнему миру, они заключены в самих себе. Они ближе к представлению, чем к действию. Но это представление, еще смешанное со своим предметом, а его предмет — это субъект, который воспринимает в нем свои собственные предрасположения и который воспри-

---

нимает других в себе и себя в других. Это скорее даже не представление, а придание формы, соответствующей определенной ситуации. Оно состоит в определенных установках и разрешается в различных состояниях напряжения, из которых состоят эти установки. Высвобождается не в действиях, имеющих внешнюю цель, и не в полезных автоматизмах, но в пластических жестах, в ритмах, в судорогах или спазмах. Представление происходит непосредственно из постуральных функций, реализующихся для самих себя. Мимика есть не что иное, как постуральная функция, приспособленная к потребностям выражения, к потребностям аффективных связей между индивидами. Мимика может возобладать над собственно полезным действием. Но она может реализоваться в системе реакций лишь в том случае, если она, в свою очередь, полезна. Она развивается и продолжает реагировать как бы рефлекторно под воздействием другого; вызывает те предпосылки сознания, каковыми являются аффективные состояния. Таким образом, при помощи своих мимических реакций ребенок, познавая свою собственную чувствительность, познает одновременно и свою живую среду, которая вызвала их и наложила на них свой отпечаток. При помощи мимики ребенок обретает интуицию (предчувствие) своих собственных предрасположенностей, т. е. он начинает с того, что смешивает себя со своим окружением.

Но к автоматической и целостной аккомодации, возникающей вследствие мимики, несколько позже добавляется более автономная и дифференцированная аккомодация. Часто бывает, что маленький ребенок настолько поглощен разглядыванием того, что его интересует, что он словно включен в это. Таков, например, случай с сыном Прейера, который стоял, словно загипнотизированный, при виде щебечущей перед ним птички, и в тот момент, когда птица, прервав его созерцание, улетала, он испустил крик, имитирующий крик птицы. Здесь мы имеем дело с постуральной насыщенностью, разрешившейся в подражательном

жесте. Различные повседневные случаи, описанные Гийомом, по-видимому, основаны на том же механизме. Созерцаемая сцена стирает различие между собой и другим, поскольку примитивная тенденция заключается в том, чтобы мимически выразить ситуацию—если и не всегда в жестах, то, по крайней мере, в установках, прожить ее субъективно. Для Гийома эти установки не могут быть ничем другим, кроме как подавленной формой уже знакомых и выполнявшихся ранее жестов. Подражание для него не имеет собственного происхождения; оно может лишь использовать знакомые движения и внешние образцы.

Но многие факты демонстрируют обратное. Буквальное воспроизводство — движение за движением, жест за жестом — трудная, относительно редкая и поздно появляющаяся операция. У ребенка подражание вырастает из его внутренней пластичности, иногда после более или менее длительного инкубационного периода. Таким образом, оно не представляет собой простого и непосредственного воспроизводства образца. Увлеченный кульбитами клоуна, ребенок рискует их воспроизвести лишь два или три дня спустя. Подстраивание под образец, начавшееся с внимания, которое он уделял движениям клоуна и которое как бы передавало их на его собственные мышцы, смогло стать удовлетворительным лишь при помощи постепенной аккомодации его моторного аппарата. Оно осуществилось без жестов. в результате своеобразного накопления. Оно смогло осуществиться лишь в том, что предшествует движению, в тихих, подготавливающих его установках. Речь идет не о мистической способности, но о способности моторного преформирования (preformation). без существования которого многие явления моторного научения были бы необъяснимы. Итак, движение представляет собой не что иное, как распространение своеобразного внутреннего формулирования (formulation).

Перевод с французского М. Р. Гинзбурга